

ТЕАТРОВЕДЫ бывают разные. Иные посвящают себя науке. Это историки и теоретики театра, они пишут толстые книги, становятся докторами искусствоведческих наук, профессорами. Другие предпочитают непосредственное участие в работе театров: заведывая литературной частью, они ищут и изредка находят хорошие пьесы, подчас являясь не указанными на афише их соавторами. Третьи ощущают себя истолкователями живого искусства: их статьи — это сейсмографы театральной жизни, а сами они — ее летописцы...

Да, театроведы бывают разные. Только ведь мне хочется сказать о человеке, удивительным образом совместившем в едином лице все ипостаси театроведения. О художнике, артисте своего дела, ибо театроведение — это не только наука, но и искусство, труднейшее и ответственнейшее, у которого та же необходимая аудитория, что и у театра. Имя этого человека олицетворяет для меня и советскую театральную науку, и советскую театральную критику, и творческую практику в работе с автором пьесы.

Григорий Нерсесович Бояджиев — доктор искусствоведения и профессор ГИТИСа имени А. В. Луначарского. Мольерист с мировым именем и автор поистине необозримого числа интереснейших статей о современном советском и зарубежном театре. Ученый, воспитавший не одно поколение мастеров сцены и ее историков, и тонкий знаток живого искусства, чей талант, опыт, знания так часто приходят нам на помощь и дарят яркими театральными впечатлениями, расширяют художественный кругозор тех, кто, раз встретившись с его книгами, статьями, их не забудет.

Что привлекает вас в искусстве?

Быть может, вы хотите пересечь параллели и меридианы и встретиться с противоречивым,

контрастным, сложным театральным миром Америки, Франции, Испании? Или смешаться с шумной толпой зрителей комедии масок? Или ощутить могучее дыхание поэзии Шекспира, встретиться с лукавым и бесстрашным «королем комедии» Мольером?

Вас интересуют московские студийные театры 20—30-х годов? Вы размышляете над осо-

искусство, в жизнь. Не случайно его любимый «театральный» герой, его друг и собеседник — Мольер, в чьем творчестве, в чьем облике слились высокая правда общественных страстей и живая душа театральности. Для Бояджиева — ученого, теоретика, критика — нет на сцене театрально-сти без правды, но нет и правды без театральности. В ее бессмерт-

пласты истории театра. И истоки этого своеобразия, этой страсти, этой решимости, этой неуемности в творчестве и науке — в предельной увлеченности Бояджиева театром, в ясности его художественного пристрастия реализму, социалистическому реализму.

Бояджиев пишет о разном, но, в сущности, об одном и том же —

СЛОВО О СОВЕТСКОМ ТЕАТРОВЕДЕ

Ю. ЗАВАДСКИЙ, народный артист СССР

бенностями советской актерской школы? Хотите осмыслить тот или иной спектакль? Интересуетесь боем быков? Боготворите Микеланджело и Леонардо да Винчи?

Григорий Бояджиев поведет вас за собой и в глубь веков, и к познанию нынешних театра, литературы, живописи.

Он сделает все это, не поступаясь интересами науки и истины, без скидки на «общедоступность», но с той силой логики и убеждения, с таким темпераментом мысли и чувства, с таким умением заставить «ощутить», «увидеть», «сопричастствовать» тому, что видел и узнал он сам, что не даст вам не понять его.

И вы не сможете не разделить любовь Бояджиева к тому, о чем он пишет, — к искусству, не почувствовать, что перед вами труд человека многогранно талантливого, но глубоко театрального, театром воспитанного и преданного театру по призванию.

Не случайно Бояджиев — ученик А. К. Дживелегова, покорявшего своей эрудицией и открывавшего своей влюбленностью в

ной, оптимистической сущности, в ее мажорном поэтическом звучании.

Бояджиев пишет о разном. Пишет, находя слова, которые способны точно передать динамику театрального действия, движение мысли и чувства создателей, участников спектакля, его героев, воссоздать в воображении читателей трудноуловимые мгновения творческого процесса, перевести на язык слов язык сценической пластики и ритмов.

Бояджиев в полной мере обладает даром «перевоплощения» и «переживания», которые необходимы театроведу, — оттого так широко и разносторонни его вкусы, так впечатляющи его описания спектаклей, в которые естественно включается увлекательный, истинно художественный анализ искусства.

Бояджиева трудно с кем-нибудь спутать: он живо, страстно откликается на все подлинно новое в искусстве; он полон решимости поддерживать и растить молодые таланты актеров, режиссеров и критиков; он открывает перед нами все новые и новые

о мощной силе поэзии театра («Поэзия театра» — так назвал он одну из своих книг). Дадим слово самому Григорию Нерсесовичу, ибо невозможно писать о Бояджиеве и не поддаться искушению процитировать его: «Поэзия театра — что означает это определение?... Поэзия театра — в волнующей правде и образной силе действия, в активном творческом ощущении современности, в той захваченности увиденным на сцене, при которой зрители переживают высокую радость эстетического наслаждения и духовного обогащения и, потрясенные, взволнованные, уносят из театра главное — мысли, нужные современности».

Вот что утверждает в театре талант советского театроведа; вот как широко, возвышенно, современно понимает он поэзию театра — и о ней не скажешь лучше, точнее, взволнованнее, чем сказал Бояджиев, — не стоит и пытаться.

Я встретился с Григорием Бояджиевым тридцать два года назад, когда «Студия п/р. Ю. Завадского» сделала Ростовским

драматическим театром имени А. М. Горького.

То было исключительно трудное для всех нас, студийцев, время — надо было создать репертуар для огромной сцены нового театра... И вот на обсуждение пьесы местного драматурга Ф. Готьяна «Тигран» пришел хрупкий восторженный юноша с сияющими глазами — Бояджиев. Он произнес зажигательную речь в защиту «Тиграна», поразил нас темпераментом, прекрасным чувством театра и назавтра... стал завитком нашего театра.

Сколько хорошего, доброго было сделано им за те памятные мне два года! Он дал «Тиграну» жизнь; он помогал нам в работе над «Трактирщицей», «Забавным случаем», «Укрощением строптивой», где Марецкая, Мординов, Оленин сыграли, быть может, лучшие свои роли; он писал статьи в буклетах к постановкам «Разбойники», «Дни нашей жизни», «На берегу Невы»...

Бояджиев с юношеской неутомимостью, изобретательностью, смелостью вошел в свою большую театральную жизнь.

Прошло тридцать два года, но я помню то время и безмерно радуюсь, что в сегодняшнем облике Бояджиева проступают черты того неутомимого, изобретательного юноши. Я благодарю Григория Нерсесовича за те «ростовские» дни и желаю навсегда сохранить душевную молодость, преданность правде, верность театру.

И дело, как видите, совсем не в том, что Григорию Бояджиеву в эти дни шестьдесят лет. Как я завидую тем, кто умеет произносить застольные речи, и прежде всего, конечно, самому Бояджиеву, который вот уже тридцать лет неизменно поражает меня своим красноречием. Но вот он стал «виновником» торжества, и, повторяю, дело все же не в этом.

А в том, что Г. Н. Бояджиев преподает нам блистательный урок — как быть настоящим советским театроведом.